

ПОКА БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ

ПРИЕЗД Ленинградского театра драмы имени А. С. Пушкина в Москву всегда вызывает повышенный интерес. У него в столице много поклонников, приверженцев искусства того типа, которому следует этот театр. Время, естественно, вносит перемены в его работу. Но основа его искусства, то, что определяет своеобразие творческого лица театра, что проверено многолетним опытом и не раз доказало свою жизнестойкость, необходимость людям, — это свято, это мудро, заботливо берется. От поколения к поколению его детеныш переходит богатство традиций Пушкинского театра, бывшего Александринского, — первой российской профессиональной драматической сцены, в прошлом году отпраздновавшей свое 225-летие.

Если прибегнуть к бытующей ныне классификации, Ленинградский театр имени Пушкина — театр актерский. Здесь всегда умели «коллекционировать» таланты, своеобразные актерские индивидуальности, чьи имена нередко превращались в строки истории русского театра, становились легендами. Это не значит, что в Пушкинском пренебрегают режиссурой. Нет. Но наибольшего добивается, как правило, тот постановщик, который умело пользуется исконной силой этого театра, воплощает свои замыслы прежде всего и главным образом через искусство актера, его способность создавать живой, неповторимый человеческий характер. И это не просто творческий принцип — это, если хотите, идеино-нравственная позиция театра, выражение повышенного внимания к человеку как главной ценности жизни, к его неповторимому духовному миру, это способ влияния на ум и чувство зрителя, формирования его гражданской позиции.

Шесть спектаклей вошло в гастрольную афишу театра. Примечательно, что четыре из них — произведения современных советских авторов, в трех действуют наши современники, в двух предпринимается попытка решить одну из актуальных и труднейших эстетических задач — создание образа положительного героя современности. И «Пока бьется сердце» Д. Храбровицкого, и «Предел возможного» И. Герасимова — результаты определенной репертуарной политики, продолжение той принципиальной линии, заметными вехами которой были спектакли «Все остается людям», «Семья Журбиных», «Дело, которому ты служишь»...

Хотя ранее, по тому или иному поводу, «Пока бьется сердце» и «Предел возможного» уже показывались в Москве, хотя драматургические просчеты обоих произведений очевидны — это и кинематографическая многозначность, и отрывочность отдельных сцен, излишне большое количество действующих лиц, не каждого из которых автору и театру удалось разделить достаточно емкой, приметной характеристикой, — все-таки спектакли эти и теперь вызвали широкий зрительский интерес. Привлекал прежде всего их центральный герой, герой в полном смысле этого слова, личность крупная, незаурядная, лучшие черты которой определяют исторический неповторимый облик нашей жизни, выражают ее пафос, созидательную энергию. Верный себе, театр «подает» его с некоторой приподнятостью, романтическим вдохновением.

Оба спектакля — режиссерские работы художественного руководителя театра И. Горбачева, он же исполняет в них главные роли, титанирует в образах хирурга Крымова («Пока бьется сердце») и директора завода Ремеца («Предел

возможного») — при всем их индивидуальном своеобразии — черты человека, все силы, всю свою жизнь отдающего людям.

Именно эти характеры, их судьбы сообщают многозначным, многофигурным спектаклям внутреннее единство, художественную целостность. Особенно важно это в «Пределе возможного» — спектакле, стремительно летящем через пространство и время. Жизнь страны почти за сорок лет — с 1941 по 1978-ой — проходит перед нами. Инсценировка А. Соколова по одноименному роману И. Герасимова совмещает ретроспекцию — с бытиями сиюминутно происходящими, мотивы производственные и личные, интимную лирику и публицистиче-

ский накал... Свободно, непринужденно чувствует себя И. Горбачев в этой пестрой, прихотливо перемешанной сценической среде, крепко держит в своих руках нить действия. Но не забывает при этом и о сложности натуры своего героя.

Прежде чем познакомиться с героем Горбачева непосредственно, мы услышим несколько контрастных мнений о нем. Но вот он сам выходит на сцену, и уже трудно отделять от власти обаяния этого сильного, волевого, умного, мужественно относящегося к своим излоблениям человека, который превыше всего в своей жизни ставит долг и для которого нет ничего важнее ответственности коммуниста перед страной, перед народом.

Характер будет развиваться по ходу спектакля, в Ремеце откроется притягательное умение отказываться от старого, постоянно двигаться вперед, обнаружатся другие, иногда и не идеальные черты. Суть характера останется неизменной. Она обнаружится со свойственной натуре героя определенностью уже в начальных, самых драматичных «военных» эпизодах спектакля, когда в страстно, возмущенном и требовательном обращении к рабочим директор завода Ремец призывает трудиться на нужды фронта, превосходя предел возможного, и сам первым падает в этом пример.

У героя И. Горбачева кровная связь с командирами производства периода первых пятилеток, с тем же Григорием Гаем из «Темпа» Н. Погодина. Но он актуален и в наши дни, когда не только созидательный труд страны, но и вся сложная, напряженная современная действительность нередко ставят человека перед необходимостью превысить «предел возможного».

Другие спектакли гастрольной афиши пушкинцев — работы разных постановщиков. Во многом непохожие друг на друга и неравнозначные по уровню режиссерского мастерства. Есть здесь дипломная постановка В. Рубанова «Моя любовь Электра» Л. Дюрко — спектакль,

строгое выдержанный в ключе своеобразной стилистики, близкой театру публицистическому, поэтически обобщенному. В спектакле «Живи и помни» В. Распутина, поставленном другим молодым режиссером — С. Илюхиным, где открывшая условность сочетается с достоверными бытовыми характеристиками, художественной целостности добиться не удалось. Неадекватными остались психологически глубины образов — невостребованное развитие персонажей, что снижало драматизм характеров и судеб.

Интересной представляется попытка режиссера А. Саталича в своей постановке «Дети солнца» Горького о публицистически заострить проблемы роли интеллигенции в общественной жизни. Беспомощная драматурга оторванность интеллигенции от народа полемичности доводит ее до степени ее полной изолированности от окружающей действительности, замкнутости в тесном, душном мире наследие со своим, в общем-то суетным, мелким, подчас смешным заботам, беспомощным мечтам. Но в претворении своего замысла режиссером где-то была переиграна грань меры — в спектакле ощущалась обесценность сложенного мира горьковской песни.

Все же и в этих спектаклях, даже в «незрительских» режиссерских, были заметны яркие актерские работы. В «Детях солнца» это прежде всего созданный Л. Чурсиной трагический образ Лизы, живущей словно с обнаженными нервами, остро сознающей неблагоприятные бытия; это озлобленный и несчастный, жалко ласкающийся Чепурный — А. Волгин. В спектакле «Моя любовь Электра» — это сама Электра В. Паниной, в «Живи и помни» — Михаил Г. Колосова. Как не сказать тут и о Бурише — К. Адашевском, Секретарше — Н. Мамаевой, Ковшове — А. Соколове в «Пока бьется сердце»...

Велика власть актерского таланта над умами и сердцами зрителей. Это прекрасно использовал режиссер И. Ольшангер в спектакле «Элегия» — постановке пьесы П. Павловского по письмам И. С. Тургенева и М. Г. Савиной. «Элегия» — спектакль — исследование духовной жизни человека, удивливший и тонкий анализ сложнейших человеческих взаимосвязей. И именно благодаря такому режиссерскому, актерскому подходу к драматургии, камерной, бесхитростной по форме пьесе, где всего два действующих лица — великий русский писатель Тургенев и «первая актриса» Александринского театра Савина, — где внимание сосредоточено на их личных отношениях, спектакль обрел масштабность, большую этическую значимость, словно бы органичное, полифоническое звучание.

Как точны тут облик, взгляд, интонация, пластика Б. Фрейнлинд, создавшего безусловно убедительный образ Тургенева. В. Паниной удалось отделить в Савиной главное — то, что делало ее для Тургенева воплощением России, света и воздуха Родины, без которых он задыхался на чужбине, живя во Франции, как он говорил, «на краешке чужого гнезда»...

Гастролы в Москве ответственны для любого театра, даже если это театр такой маститый, заслуженный, как Ленинградский имени А. С. Пушкина. Они помогают яснее увидеть свои сильные и слабые стороны, глубже осознать подлинную значимость своих достижений, свои насущные проблемы. Помогают движению в завтра.

Галина ДАНИЛОВА,
кандидат искусствоведения.

На снимке: Л. Чурсина в спектакле «Дети солнца».